

УДК 130.2:233

П. В. Хрущева

ЭНЕРГИЙНЫЙ ПРИНЦИП И ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА В ШРУТИ И СМРТИ

Аннотация. С помощью методов контекстуального и диахронного анализа в статье прослеживается нелинейный процесс персонификации энергийного принципа, который завершился формированием пуранического образа Великой Богини (Mahādevī). Показано, как сила, или энергия, обозначаемая в самхитах терминами «майя» и «шакти», а также импульс к творению или проявлению, воплощаемый в образах богинь Вираджд, Вач и Шачи, в упанишадах трансформируется в глобальный космогонический безличный принцип, хотя его роль соответствует роли богинь в ведийской космогонии. Отмечено, что понятие «шакти», обозначающее собственно силу, оказывается связанным с принципом материальности, пракрити, через связующее звено, а именно понятие «майя». Майя отождествляется в одних контекстах с шакти, в других с пракрити. Кроме того, начиная с самхит и брахман в Ведах процесс творения/проявления оказывается результатом союза бога с его супругой, которая воплощает в себе силу и творческую мощь мужского божества. В Упанишадах тот же процесс описывается с помощью философских категорий Бога-Абсолюта и его devātmaśakti, «силы божественной сущности» или же в других контекстах просто шакти как творческой мощи. В статье утверждается, что, несмотря на имеющиеся в Ведах предпосылки, тенденция деперсонификации исключала возможность формирования религиозно-мифологического образа, воплощающего в себе энергийный принцип. По этой причине для возникновения в индуизме образа Богини / Шакти решающим стало влияние неведийских традиций, в которых происходил обратный процесс: представления о безличной повсеместно присутствующей силе трансформировались в представления о персонализированном женском божестве как средоточии силы. Соединившись с ранневедийскими представлениями о богинях как воплощениях силы мужских божеств, с одной стороны, и философским концептом шакти как космогонического аспекта Абсолюта в упанишадах, с другой, неведийские локальные образы богинь, воплощающих силу, оказались основным фактором, приведшим к формированию пуранического образа Великой Богини.

Ключевые слова: шакти, майя, энергийный принцип, женские божества, Веда, упанишады, Бхагавадгита

Polina V. Khrushcheva

PRINCIPLE OF ENERGY AND FEMALE DEITIES IN ŚRUTI AND SMṚTI

Summary. The purpose of this article is to trace the non-linear process of personification of the universal energy principle, which culminated in the formation of a Puranic image of the Great Goddess (Mahādevī). In this study is used the methods of contextual and diachronous analysis.

The article shows how the power, or energy, denoted in Samhitas by the terms “Māyā” and “Śakti”, as well as the impulse for creation or manifestation, embodied in the images of the goddesses Virāj, Vāc and Śacī, in the Upanishads is transformed into a global cosmogonic impersonal principle, although his role corresponds to the role of the goddesses in the Vedic cosmogony. It is noted that the concept of “śakti”, which means power properly, turns out to be connected with the principle of materiality, prakṛti, through a intermedium, namely the concept of “māyā”. Māyā is identified in some contexts with śakti, in others with prakṛti. In addition, starting with Samhitas and Brahmanas in the Vedas, the process of creation / manifestation is the result of the union of god with his wife, who is the embodiment of the strength and creative power of the male deity. In the Upanishads, the same process is described using the philosophical categories of the God-Absolute and his devātmaśakti, “the power of the divine essence” or in other contexts simply śakti as creative power. The article claims that, despite the prerequisites in the Vedas, the depersonification tendency precluded the possibility of forming a religious and mythological image that embodies the energy principle. For this reason, in Hinduism for the appearance of the image of the Goddess / Śakti, the influence of non- Vedic traditions became decisive. In that traditions the reverse process took place: ideas of the impersonal everywhere present power were transformed into ideas of a personalized female deity as a focus of power. Combining, on the one hand, with the early Vedic ideas of the goddesses as the personifications of the male deities power and, on the other hand, with the philosophical concept of śakti as the cosmogonic aspect of the Absolute in the Upanishads, the non-Vedic local images of the goddesses who embody the power turned out to be the main factor that led to the formation of the Puranic image of the Great Goddess.

Key words: śakti, māyā, energy principle, female deities, Vedas, Upanishads, Bhagavad Gita.

Энергийный принцип рассматривался в различных ортодоксальных и не-ортодоксальных традициях древней и средневековой Индии, мы же в данной статье ограничимся рассмотрением представлений о нем в шрути и смрити. Тексты «шрути» (букв. «услышанное») существуют, согласно индийской традиции, извечно, не созданы человеком, а лишь уловлены тончайшей интуицией мудрецов-провидцев; к этой категории относятся Веды, включающие в себя самхиты, брахманы, араньяки и упанишады. Священной и авторитетной, но в меньшей степени, является другая категория текстов: «смрити», т. е. «запомненное». Смрити включают в себя пураны («древние сказания»), итихасы («быль», эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна») и дхармашастры. В статье мы привлечем относящиеся к Ведам самхиты, браманы и упанишады, а из текстов смрити – пураны и часть шестой книги Махабхараты (Бхагавадгита).

Понятие силы, или энергии, в древней и средневековой индийской мысли определяется множеством санскритских и региональных терминов. Некоторые из них изначально обозначали философские категории, иные – мифологические образы, в пуранах же мы наблюдаем слияние тех и других в образе Великой Богини, объединяющем содержание понятий шакти (śakti) и майя (māyā), а также пракрити (prakṛti).

В Ведах единой Великой Богини нет, но в космогонических фрагментах ведийских самхит наблюдается тенденция связывать космогонические силы и космологические структуры то с абстрактными категориями женского рода, то с личностными образами богинь (Вирадж, Вач, Шачи / Индрани). В этих ранних текстах уже можно проследить формирование абстрактного энергийного принципа через женские образы; энергийный принцип, будучи сопряженным с женским началом, через него сопрягается и с принципом материи.

Сила, или энергийный принцип, в самхитах либо обозначается понятиями «шакти» и «майя», либо персонифицируется в образах Вираджд, Шачи и Вач, а также в водах.

Воды (*ар*), упоминаемые в гимнах Ригведы, в этом ряду наиболее абстрактное из порождающих начал, связанное с женскими образами только грамматическим родом. Воды порождают Агни, жизненное дыхание богов, силу (или способность, *dakṣa*) и жертвоприношение (РВ X.121.7–8) [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 279].

Трижды в Ригведа-самхите упоминается Вираджд, причем в Пуруша-сукте (РВ X.90.5) Пуруша и Вираджд взаимно порождают друг друга: «От него Вираджд родилась, от Вирадджи – Пуруша» [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 235]. Хотя переводчик Ригведы, Т. Я. Елизаренкова, к Вираджд относит глагольное окончание женского рода, в оригинальном тексте явного указания на пол нет. Однако уже в Атхарваведе Вираджд, как правило, явственно женского пола, она становится всем мирозданием, ее именуют питательной силой, асуры призывают ее: «О Майя, приди!» (АВ VIII.10.22) [Атхарваведа, т. 2, с. 44], доят ее и получают майю, которая и поддерживает их существование. Также и другие существа (боги, люди, предки, змеи) выдаивают из нее что-то свое, что поддерживает именно их существование. Таким образом, подобно Богине/Шакти (в более позднем смысле этого понятия), Вираджд оказывается силой, поддерживающей всех и вся в этом мире, и, подобно ей же, она наполняет собой все сущее.

О Вач, Священной Речи, в Ригведе говорится как о той, что «несет» богов, имеет множество пристанищ, позволяет многому войти в жизнь, пропитывает собой небо и землю. Благодаря ей существа питаются, они вообще живут ею, не отдавая себе в том отчета. Кого она любит, того делает брахманом или одаривает мощью и мудростью. Именно она натягивает лук для Рудры, она рождает отца на вершине этого мира, ее лоно в водах, в океане, и оттуда она расходится по всем существам. Она веет всюду, охватывая все миры, и даже по ту сторону этой земли и неба (РВ X.125) [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 282–282].

Вач, священная Речь, связывается и иногда даже отождествляется с богиней Сарасвати, изначально богиней реки. Окончательное их отождествление происходит уже в брахманах.

В космогонии брахман именно Сарасвати-Вач дает импульс к расширению космоса. В этом контексте Вач ассоциируется с Праджапати: он творит либо вместе с нею, либо ею (речью) как инструментом. Вач оказывается в паре с Праджапати в качестве его силы, его творческой мощи. Праджапати однажды отождествляется с Дакшей (ШБр II.4.4.2) [Шатапатха-брахмана. Книга II, с. 131], который в Ригведе был порожден водами (*ар*).

В качестве силы богов упоминается и *śacī*, по совместительству этот термин является именем супруги Индры, которая именуется также Индрани. К Индре применяются такие определения, как *śacīvat*, «обладающий мощью» или *śacīpatī*, «владыка мощи». Эти термины, впрочем, используются и в описании других божеств, но крайне редко, так что Шачи оказывается персонифицированной силой Индры (и реже других божеств), подобно тому как Вач является творящей силой Праджапати. Термин *śacī* описывает также нечто, благодаря чему боги совершают

свои действия [Das, p. 11]. Этой богине не приписываются космогонические или космологические функции, в отличие от Вач и Вираджд; она стоит в ряду образов, являющихся результатом процессов гипостазирования, персонификации и обожествления силы мужских божеств.

В ведийских и ранних постведийских контекстах встречаются и такие более абстрактные обозначения энергийного принципа, как «майя» и «шакти», которые на ранних этапах практически не персонифицируются.

Майю ведийских текстов Я. Гонда определяет как непостижимую мудрость и силу, дающую обладателю возможность творить, изобретать, ухищряться, действовать. Упоминания майи в самхитах дают широкий спектр значений: майя это и этически нейтральная сила, которой обладают девы (deva) и асуры, и особая способность божества творить или принимать различные формы, и чудесное умение или способность творить чудеса, и божественные способности или мудрость, и достижение, возможное лишь благодаря сверхчеловеческим способностям, и способность богов вмешиваться в земные дела, а также уловка, мошенничество [Gonda, p. 119–194]. В ведах майя чаще всего упоминается в связи с асурами: выше мы видели связь майи с Вираджд в гимне Атхарваведы, где майя была также и силой, поддерживающей существование асуров.

Согласно обобщению Т. Гудриаана, основывавшегося преимущественно на мифологическом материале, термин «майя» в самхитах обозначает нейтральную силу, используемую для творения материальных форм, человеческих или нечеловеческих, посредством которой творец этих форм демонстрирует свою непостижимую мощь [Goudriaan, p. 2].

Что касается термина «шакти», напрямую обозначающего энергийный принцип, мощь, силу, то в Ригведе он еще не имеет того огромного космологического или метафизического значения, который он приобрел впоследствии. В более поздних текстах им обозначается либо всепроникающая сила, присущая проявленному миру, либо космогоническая сила как творящая способность высшего божества, либо женская фигура как супруга и/или аспект мужского божества, понимаемый как проявление его творческой способности.

В Ригведе термин «шакти» встречается немногим более десяти раз в значениях «способность», «умение», «сила», «помощь», он может означать благую силу, данную выжимающему сому жертвователю (RV I.83.3) [Ригведа. Мандалы I–IV, с. 100], мощь Сомы (X.25.5a) [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 144], воздействие Индры на воспевающего (VII.20.10c, VII.21.10c) [Ригведа. Мандалы V–VIII, с. 199, 200], объединенную силу рук (II.39.7a) [Ригведа. Мандалы I–IV, с. 283], силу быка (III.57.03a) [там же, с. 350], силу (способность) привлечь Индру (IV.22.08a) [там же, с. 386] и т. д.

Итак, энергийный принцип некоторым образом оказывается связанным с несколькими богинями, причем некоторые из которых также связаны и с материальностью. Непроявленный, невидимый принцип творения, персонифицированный в образах богинь, через эти образы оказывается сопряженным с видимым, проявленным аспектом космоса. Богини, персонификации энергийного принципа, являются отдельными божествами, но некоторые их черты и характеристики оказыва-

ются общими, и одни и те же определения и термины могут быть использованы для описания различных богинь, то есть их функции и даже персоналии (например, Сарасвати-Вач) частично пересекаются. Важно также, что богиням, связанным с материальностью, могут также приписываться силы, и, наоборот, принципы материальности и энергии жестко не разводятся. Таким образом, богини, связанные с материей, например, землей или водой, не пассивны, а те, что являются воплощениями энергийного принципа, связаны также и с материей. Мы видим, что связь принципа творения/проявления с самим проявленным миром присутствует в ведийской традиции на самых ранних этапах, и уже тогда персонификациями этого принципа были женские божества. Изначально это божества отдельные, индивидуальные, хотя многие их характеристики являются общими, в брахманах же наблюдается тенденция к отождествлению различных богинь, и через эти процессы кросс-идентификации все явственнее вырисовывается более общее понятие женского божественного начала. Индивидуальные богини становятся менее отделенными друг от друга, более тесно связанными друг с другом, а также с космогоническими процессами и космологическими структурами. «Личностный уровень этих божеств становится менее значимым, а на первый план выходят абстрактные черты и функции» [Pintchman, p. 43], развившиеся впоследствии в философские категории, которые играют важную роль в ортодоксальных системах индийской мысли.

В упанишадах наблюдается развитие терминов «майя» и «шакти» как философских категорий, что не отменяет их связи с женскими персонажами и пракрити, принципом материальности.

В Чхандогья-упанишаде продолжает развиваться связь энергии, на этот раз в виде жара (tejas), с богиней Вач. Корреляция между жаром-огнем и речью присутствует в разделах 6.6.4–5 [Упанишады. Кн. 3, с. 112], где утверждается, что тонкая сущность жара (теджаса) становится речью, когда жар поглощается, и что речь состоит из жара. Слово «теджас» означает не только жар, но и силу, и как жар, так и речь изображаются в качестве источника созидательной мощи, производящей космические воды. Принцип созидательной энергии или силы, порождающий принцип материи, находит затем отражение в пуранах, где шакти порождает пракрити. Последовательность огонь-вода находим в космогонии Чхандогья-упанишады (6.2.1–4) [там же, с. 110], где Сущее творит теджас, теджас творит воду, вода – пищу: sat-tejas-ap-anna. Превращение воды в пищу соответствует превращению воды в землю во многих ведийских фрагментах. В ЧхУп 6.4.6 [там же, с. 111] с этими элементами связываются три цвета; о тех же цветах говорится и в Шветашватара-упанишаде 4.5, где они приписываются «нерожденному женскому началу», ajā: «Нерожденная, единая, красная, белая и черная, производящая многочисленное потомство, подобное [ей]; и один нерожденный, получающий удовольствие, лежит рядом...» [Упанишады. Кн. 2, с. 123].

Упоминание единого женского начала, содержащего цвета гун, красный, белый и черный, и производство подобных ей существ, также соответствует более позднему описанию пракрити.

Пара, составленная сущностями или существами двух полов, часто встречается в Ведах, но в Шветашватаре следует обратить внимание на безличный харак-

тер описания и обозначение их как «нерожденных». Подобное описание встречается и в Майтри-упанишаде, где пракрити – объект наслаждения, состоящий из трех гун, наслаждающийся же – пуруша [там же, с. 146–147]. Практи и майя четко не разводятся, иногда даже отождествляются: «Священные стихи, жертвоприношения, обряды, обеты, бывшее, будущее и то, что говорят веды, – все это майин создал из него, в нем и другой связан майей. Знай же, что *пракрити* – майя и Махешвара – майин, весь этот мир пронизан существами – его членами» (ШвУп 4.9–10) [там же, с. 123].

В упанишадах принципы описываются как безличные, хотя их роль соответствует роли богинь в ведийской космогонии. И здесь энергийный принцип соотносится с материальной (или тонкоматериальной) субстанцией, из которой разворачивается проявление. Однако в упанишадах и Бхагавадгите уже проясняется связь между этими двумя принципами, так как между ними возникает связующее звено. Связующим звеном, или посредником, между понятием, обозначающим собственно силу, шакти, и принципом материальности, пракрити, оказывается майя, которая отождествляется в одних контекстах с шакти, в других – с пракрити. Термин «майя» может означать все три аспекта: силу, необходимую для творения или трансформации, акт творения или трансформации и материальную форму как результат этих процессов. Таким образом, пракрити оказывается лишь аспектом майи.

Заметим в скобках, что термин «майя» порой используется для обозначения уловок, обмана или иллюзии. К примеру, в Прашна-упанишаде: «Тем [принадлежит] тот непорочный мир Брахмана, в которых нет криводушия и неправды и нет майи» (1.15–16) [там же, с. 191]. Но в Бхагавадгите, в стихе «превосходя Свою природу (пракрити), я рождаюсь собственной майей» (БхГ 4.6) [Бхагавадгита, с. 138] термин «майя» означает не силу иллюзии, а некую принадлежащую Богу силу или его способность проявляться. Здесь пракрити – результат творения/трансформации, тогда как майя – сила или сам акт трансформации, т. е. по значению майя сближается с шакти. Шакти и пракрити оказываются стадиями манифестации. Отношения между этими понятиями в данном фрагменте отличаются от их отношений в санкхье, где пракрити есть высшая причина творения, а шакти – ее аспект (способность пракрити разворачиваться из состояния мулапракрити, когда гуны находятся в равновесии, в состояние активное и проявленное).

В упанишадах и Гите термин использовался как для обозначения творческой способности Бога, так и для продукта этого акта, сближаясь таким образом в одном смысле с шакти, в другом с пракрити. Пример последнего мы наблюдали в Шветашватара-упанишаде (4.10), также и в некоторых фрагментах Бхагавадгиты прослеживается отождествление пракрити и майи: «Божественна моя труднооборная из гун состоящая майя» (БхГ 7.14) [Бхагавадгита, с. 155].

Связь богинь с энергийным принципом в зачаточном состоянии присутствует в ведийской литературе. В брахманах появляется первое ясное проговаривание космогонического результата союза бога с его супругой, что особенно касается богинь Шачи и Вач. Обе связаны с мужскими божествами, союз с которыми ведет к творению мира, обе понимаются как способность богов к созиданию – мощь Индры и творящее слово Праджapati. Сочетание бога и богини видится

в брахманах как импульс, запускающий процесс эманации и проявления космоса. В Упанишадах можно найти отзвук этой концепции, описанной более отвлеченным языком: в Шветашватара-упанишаде 4.1 повествуется, как верховное божество порождает мир с помощью своей шакти: «Тот единый, лишенный цвета, посредством многообразной шакти творит, [согласно своей] скрытой цели, различные цвета, и в [котором] в конце и в начале сосредоточена вселенная, он – бог; да наделит он нас ясным постижением!» [Упанишады. Кн. 2, с. 122]. Это описание Бога, творящего посредством применения своей шакти, оказывается параллелью фрагментам брахман, где Праджапати творит в союзе с Вач. В другом стихе упоминается *devātmaśakti*, «сила божественной сущности»: «Следовавшие размышлению и йоге видели силу божественной сущности, скрытую собственными свойствами, что одна правит всеми этими причинами, связанными со временем и Атманом» (ШвУп 1.3) [там же, с. 115].

В других древних упанишадах шакти не упоминается. В исследовательской литературе [к примеру, Das p. 57] делается вывод, что здесь в упанишадах понятие шакти получает новый окрас, становится не просто силой, а специфически божественной силой, присущей высшему божественному началу, абсолюту.

Таким образом, мы находим в шрути две пары, где супруга представляет собой творящую или космогоническую силу бога (Индра и Шачи, Праджапати и Вач), а также понятие о едином абсолютном божестве, обладающем шакти, мощью.

Связь между принципом энергии, космогонической по своей природе силой, и женским началом, а также принципом материальности присутствует в ранних частях Вед. В Ведах материальность и сила ясно не разграничены: такие богини, как Вач или Вираддж, воплощают оба принципа. В постведийский период до конца классического появятся разные школы мысли, в которых эти принципы обнаруживаются в разработанном виде.

Понимание богини как персонификации энергийного принципа стало отличительной чертой ведийско-индуистского мировоззрения, поскольку в других азиатских традициях, включая происходящую из Индии буддийскую, женское начало ассоциируется лишь с принципом материальности, но в творении играет пассивную роль. Однако в священных текстах индуизма, шрути и смрити, богини оказываются не только материальной, но и действующей причиной мира: Вираддж, Вач, Шачи описаны как энергийный принцип, запускающий процесс творения.

Итак, древние ведийские женские фигуры с размытой индивидуальностью, представленные в качестве супругов богов или их аспектов (их способности творить), в упанишадах и эпосе (а затем в даршанах) трансформируются в абстрактную космологическую силу, присущую Богу как его творящая мощь. Процесс деперсонификации, казалось бы, сводил на нет возможность формирования религиозно-мифологического образа, воплощающего в себе энергийный принцип. В народных верованиях и культах в то же самое время или несколько позднее происходили обратные процессы: представления о безличной повсюду разлитой силе трансформировались в представления о персонализированном женском божестве (например, у тамилов развитие от безличной силы анангу к богине Анангу) [Хрущева, с. 174–176]. И хотя в целом предпосылки в шрути уже

присутствовали, для формирования концепции Богини/Шакти было совершенно необходимо, чтобы ко времени складывания пуран на абстрактные понятия упанишад стали накладываться локальные народные образы женских божеств. В пуранах сводятся воедино: ранневедийские представления о богинях как воплощениях силы мужских божеств, философский концепт шакти как космогонического аспекта абсолюта в упанишадах, и, наконец, представления о неведийских локальных богинях как средоточиях силы. Под влиянием неведийских традиций творческий импульс, сила, поддерживающая мир, и материальная основа мира сливаются в персонализированном божественном женском начале. Формируется пуранический образ Великой Богини, женский полюс божественного, который представлен либо в качестве супруги верховного божества, либо как само верховное божество (в шактистских пуранах).

Этот образ, безусловно, не являясь ни ведийским, ни брахманистским, происходит из автохтонных неортодоксальных традиций, но энергичный принцип, воплощенный в этом образе, присутствует и в ведийской традиции, причем начиная с самых ее истоков, т. е. с самхиты Ригведы, вплоть до большинства брахманистских философских систем, относимых к ортодоксии.

Список литературы

- Атхарваведа (Шаунака) : в 3-х тт. Т. 2 : кн. VIII–XII / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М. : Вост. лит., 2007. 293 с.
- Бхагавадгита / Предисл. и пер. Б. Л. Смирнова. СПб. : «Кристалл», 2000 с.
- Ригведа: в 3 т. / пер. Т. Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1989–1999. 768 + 744 + 560 с.
- Упанишады: в 3-х кн. / пер. с санскр., предисл. и комментарий А. Я. Сыркина. М. : Вост. лит., 1992. 240 + 336 + 256 с.
- Хрущева П. В. Персонификации женской энергии // Зографский сборник. Вып. 5. Отв. ред. М. Ф. Альбедиль и Я. В. Васильков. СПб. : МАЭ РАН, 2016, с. 174–182.
- Шатапатха-брахмана. Кн. 2. М. : Изд-во РГГУ, 2017. 224 с.
- Das S.K. Śakti or Divine Power. Calcutta, 1934. 298 p.
- Gonda J. Four Studies in the Language of the Veda. The Hague : Mouton, 1965. P. 119–194.
- Goudriaan T. Maya Divine and human. Delhi : Motilal Banarsidass, 1978. 516 p.
- Pintchman T. The Rise of the Goddess in the Hindu Tradition. Delhi : Indian books center, 1997. 288 p.

References

- Atharvaveda (Shaunaka)* (2007). T. 2: VIII–XII / transl by. T. Ia. Elizarenkova. Moscow, Vostochnaia literatura. 293 p.
- Bhagavadgita* (2000) / transl. by B. L. Smirnov. St Petersburg, “Kristall”. 512 p.
- Rigveda, in 3 vols.* (1989–1999) / transl. by T. Ia. Elizarenkova. Moscow, Nauka. Vols. 1–3. 768 + 744 + 560 p.
- Upanishady, in 3 vols.* (1992) / transl. by A. Y. Syrkin. Moscow, Vostochnaia literatura. Vols. 1–3. 240 + 336 + 256 p.
- Shatapatha-brahmana* (2017). Moscow, Izdatel'stvo RGGU. Vol. 2. 224 p.
- Das, S. K. (1934). *Śakti or Divine Power*. Calcutta. 298 p.
- Gonda, J. (1965). *Four Studies in the Language of the Veda*. The Hague, Mouton, pp. 119–194.
- Goudriaan, T. (1978). *Maya Divine and Human*. Delhi, Motilal Banarsidass. 516 p.
- Pintchman, T. (1997). *The Rise of the Goddess in the Hindu Tradition*. Delhi, Indian Books Center. 288 p.
- Khrushcheva, P. V. (2016). Personifikatsii zhenskoi energii [Personification of female energy]. In M. F. Al'bedil', Ia. V. Vasil'kov (Ed.) *Zografskii sbornik*. Vol. 5. St Petersburg, MAE RAN, pp. 174–182.

The article was submitted on 27.03.2020